

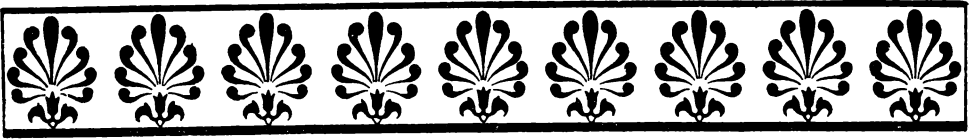

ПРИЛОЖЕНИЕ

SCRIPTORES
HISTORIAE AUGUSTAE

АВТОРЫ
ЖИЗНЕОПИСАНИЙ
АВГУСТОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

SCRIPTORES HISTORIAE AUGUSTAE

Перевод С. П. Кондратьева
Под ред. А. И. Доватура
Примечания С. П. Кондратьева

Юлий Капитолин

МАКСИМИН МЛАДШИЙ

XXVII (I). (1) О его происхождении сказано выше. Он отличался такой красотой, что его везде любили похотливые женщины, а некоторые жаждали даже зачать от него. (2) Он мог, по-видимому, достигнуть такого роста, что догнал бы отца, если бы не погиб на двадцать первом году жизни, в самом расцвете юности, или, по словам некоторых, на восемнадцатом. Греческую и латинскую литературу он изучил превосходно. (3) Он обучался у греческого учителя грамоты Фабилла, от которого сохранилось много греческих эпиграмм, главным образом на изображениях этого мальчика. (4) Описывая мальчика, он перевел греческими стихами следующие латинские стихи Вергилия¹:

Как Светоносец, когда омытый волной Океана
В небе священный лик подъемлет и мрак растворяет,
Юноша был таковым, сияющий именем отчим.

(5) Обучался он у латинского грамматика Филемона, у юриста Модестина, у оратора Тициана, сына Тициана старшего, написавшего прекрасные книги о провинциях и названного обезьяной своего времени, так как он мог прекрасно подражать всему. У него был и славившийся в свое время греческий ритор Евгамий. (6) За Максимины была помолвлена Юния Фадилла, правнучка Антонина; впоследствии ее получил в жены Токсоций, сенатор из той же фамилии, который погиб после своего преторства и от которого также остались поэтические произведения. (7) У нее остались полученные ею при помолвке царские подарки, которые, по словам Юния Корда (а он любит перечислять такие вещи), говорят, были следующие: (8) шнур с девятью белыми жемчужинами, головная сетка с одиннадцатью изумрудами, браслет для правой руки с украшением из четырех гиацинтов, не считая раззолоченных царских одежд и прочих украшений, которые дарятся при помолвках.

XXVIII (II). (1) Сам юноша Максимин отличался совершенно невыносимым высокомерием: даже в тех случаях, когда его отец, человек очень суровый, поднимался на встречу большинству высокопоставленных лиц, он продолжал сидеть. (2) Он вел веселый образ жизни, был воздержан по части вина, жаден до еды, особенно до дичины — он ел только кабанье мясо, уток, журавлей и все то, что ловится на охоте. (3) Из-за его исключительной красоты друзья Максима, Бальбина и Гордиана, особенно сенаторы, распускали про него позорящие слухи, — они не хотели, чтобы этот словно спу-

¹ Verg., Aen., VIII, 589—591.

стившийся с небес образ оставался незапятнанным. (4) В то время, как он вместе с отцом ходил вокруг стен Аквилей, предлагая городу сдаться, ему только и бросали обвинения в грязном разврате, от которого он был далек в своей жизни. (5) Одевался он с такой тщательностью, что ни одна женщина не могла превзойти его в щегольстве. (6) По отношению к друзьям отца он проявлял необыкновенную предупредительность, но это касалось только подарков и щедрот. (7) При приветствиях он держал себя очень высокомерно: он протягивал руку и позволял целовать себе колена, а иногда и ноги, чего никогда не разрешал старший Максимин, который говорил: «Да не допустят боги, чтобы кто-либо из свободнорожденных запечатлел поцелуй на моих коленях (на моих ногах)». (8) И так как мы возвращаемся к старшему Максиминому, то не следует обойти молчанием одну забавную подробность. Так как Максимин, как мы сказали, был почти восьмью с половиной футов ростом, то его обувь, то есть царские башмаки, кто-то поставил в роще, находящейся между Аквилеей и Арцией; они, как стало известно, на целый фут превосходили обычный размер человеческой ступни. (9) Отсюда и пошло ходячее выражение, когда о высоких и несуразных людях говорилось: «полу-сапог Максимиана». (10) Я привел это здесь для того, чтобы никто из тех, кто читал Корда, не подумал, будто я пропустил какую-нибудь относящуюся к делу подробность. Но вернусь к рассказу о сыне.

XXIX (III). (1) Об этом юноше Александр Аврелий, желая выдать за него замуж свою сестру Теоклию, пишет своей матери Маммее в таких выражениях: (2) «Матушка, если бы в Максимине старшем, нашем полководце, и притом превосходном, не было чего-то варварского, я выдал бы за Максимиана младшего твою Теоклию. (3) Но я боюсь, что моя сестра, обученная всем греческим тонкостям, не будет в состоянии выносить варварского свекра, хотя сам юноша, по-видимому, и прекрасен и вышколен, и обучен всем греческим тонкостям. (4) Так думаю я, однако, спрашиваю тебя, хочешь ли ты иметь зятчем Максимиана, сына Максимиана, или Мессалу из знатного семейства, очень мощного и в то же время ученейшего оратора, который, если только я не ошибаюсь, занявшись военным делом, проявит храбрость». (5) Так Александр — о Максимине. Больше я ничего сказать о нем не могу. (6) Чтобы не показалось, что мною что-либо упущено, привожу и письмо отца Максимиана, который говорит, что он провозгласил своего сына императором для того, чтобы видеть на картине или воочию, каким будет младший Максимин, когда наденет порфиру. (7) Письмо было такое: «Я позволил моему Максиминому называться императором как вследствие любви, которую должен питать отец к сыну, так и для того, чтобы римский народ и древний сенат могли дать клятву в том, что они никогда не имели более прекрасного императора». (8) Этот юноша носил золотой панцирь по примеру Птолемеев, носил он и серебряный, носил и позолоченный, украшенный драгоценными камнями щит и позолоченное копье. (9) Он сделал себе серебряные, а также золотые палаши и вообще все то, что могло подчеркивать его красоту; сделал он себе и шлемы с драгоценными камнями и нащечники. (10) Вот все, что нужно было знать и сказать об этом юноше. Тот, кто пожелает узнать о прочем и об утехах Венеры и любовных делах — этим пачкает его Корд — пусть прочитает последнего; мы же на этом кончим свою книгу, торопясь перейти к другим вопросам, как нам велит как бы само государственное право.

XXX (IV). (1) Знамения ожидавшей его императорской власти были следующие. Когда он спал, змея обвилась вокруг его головы. Посаженная им виноградная лоза в тот же год принесла огромные пурпурные грозди и удивительным образом выросла. (2) Щит его загорелся от солнца. В короткое копье ударила молния, расколов его вдоль, даже железную его часть, так что получились две половины. Гаруспики сказали тогда, что из одного дома будут двое недолговечных императоров, носящих одно и то же имя. (3) Очень многие видели, что панцирь его отца покрылся не ржавчиной, как это обыкновенно бывает, а пурпурной краской. (4) Знамения же сыну были такие. Когда его отдали в обучение грамматику, какая-то родственница подарила ему гомеровские книги, написанные на пурпурных листах золотыми буквами. (5) Когда он был еще мальчиком и Александр, оказывая честь его отцу, пригласил его на обед, то — за неимением обеденной одежды — он надел одежду самого Александра. (6) Ребенком он неожи-

данно вскочил в порожнюю повозку Антонина Каракалла, которая проезжала по улицам, и сел там; с большим трудом люди, управлявшие запряженными мулами, согнали его с места. (7) Нашлись люди, советовавшие Каракаллу остерегаться этого ребенка. На это Каракалл сказал: «Далеко ему до того, чтобы сменить меня». Ведь в это время тот принадлежал к незнатным людям и был еще очень маленьким.

XXXI (V). (1) Знамения смерти были следующие. Когда Максимин шел вместе с сыном против Максима и Бальбина, им попалась навстречу какая-то женщина с распущенными волосами, в скорбном одеянии, которая воскликнула: «Максимины, Максимины, Максимины, Максимины!» Больше она ничего не сказала и пала мертвой; по-видимому, она хотела сказать: «Помогите!». (2) На второй остановке больше дюжины собак выли вокруг его палатки и положили свою душу, как бы оплакивая его, — на рассвете они были найдены мертвыми. (3) Пятьсот волков вместе вошло в тот город, в который вступил Максимин. Очень многие называют этот город Гемоной, другие — Архмеей; верно то, что он стоял открытым при приближении Максимиана, так как был покинут гражданами. (4) Было бы долго перечислять все; того, кто желает узнать все это, прошу, как я не раз говорил, прочитать Корда, который все это записал — вплоть до ходячих басен. (5) Не имеется никаких могил Максиминов: ведь трупы их были брошены в проточную воду, а головы — сожжены на Марсовом поле, и народ глумился над ними.

XXXII (VI). (1) Элий Сабин пишет — и не следовало обойти это молчанием, — что лицо сына было так прекрасно, что даже голова трупа, уже почерневшая, грязная, разложившаяся, с вытекавшим из нее гноем все же казалась тенью прекрасного образа. (2) Словом, выражали огромную радость при виде головы Максимиана и почти такую же печаль по поводу того, что рядом несут голову сына. (3) Дексипп добавил, что столь велика была ненависть к Максимиану, что после убийства Гордианов сенат выбрал двадцать мужей, чтобы противопоставить их Максимиану. В числе их были Бальбин и Максим, которых выбрали в императоры, выдвинув их против Максимиана. (4) Он же добавляет, что на глазах Максимиана, уже покинутого воинами, были убиты его префект претория и его сын. (5) Некоторые историки сообщают, что сам Максимин, после того как все покинули его и он увидел, как у него на глазах убивали его сына, сам наложил на себя руки из страха, что его покинет мужество.

XXXIII (VII). (1) Не следует обойти молчанием и то, что аквилейцы выказали в борьбе с Максиминем большую преданность сенату и даже делали из женских волос веревки, когда им стало не хватать тетивы, чтобы пускать стрелы. (2) Говорят, что нечто подобное некогда произошло и в Риме, вследствие чего сенат основал в честь матрон храм Венеры Лысой. (3) Вот о чем ни в коем случае нельзя умолчать: Дексипп, Арриан и многие другие греческие писатели пишут, что Максим и Бальбин были выбраны в императоры и противопоставлены Максимиану, что Максим был отправлен с войском и в Равенне готовился к войне и что Аквилею он увидел после победы; римские же писатели сообщают, что не Максим, а Пуппиен сражался с Максиминем под Аквилеей и победил его. (4) Я не могу сказать, откуда возникла эта ошибка, если только Пуппиен и Максим не одно и то же лицо. (5) Я сообщил эти свидетельства с той целью, чтобы кто-нибудь не подумал, будто я не знаю этого обстоятельства, вызывающего великое недоумение и изумление.

XX. Юлий Капитолин

ТРОЕ ГОРДИАНОВ

I. (1) Мой замысел, высокочтимый Август, заключался в том, чтобы — по примеру многих писателей — посвятить жизнеописанию каждого императора отдельную книгу для представления их твоей милости. (2) Действительно, я сам видел и узнал путем чтения, что так поступали многие. (3) Мне, однако, казалось недопустимым занимать внимание твоего благочестия множеством книг и тратить мой труд на писание очень многих томов. (4) Поэтому я объединил в этой книге троих Гордианов, облегчая

себе — труд, а тебе — чтение, чтобы не заставлять тебя перелистывать очень много томов и читать, в сущности, одну и ту же историю. (5) Но, чтобы не показалось, что, избегая длинных книг и многословия, я сам провинился в том, противником чего я так ловко притворяюсь,— перейду к делу.

II. (1) Гордианов было не двое, как утверждают некоторые несведущие писатели, а трое, и об этом они могли бы узнать у греческого историка Арриана², а также у греческого писателя Дексиппа, которые изложили все это хотя и кратко, но вполне достоверным образом. (2) Гордиан старший, то есть первый, родился от отца Меция Маруллы и матери Ульпии Гордианы. По отцовской линии он вел свое происхождение от Гракхов, по материнской — от императора Траяна. Его отец, дед и прадед были консулами; были консулами его тесть, отцы тестя и тещи и два деда последних. (3) Он и сам был консулом, владел очень большим состоянием и пользовался громадным влиянием. В Риме он владел Помпеевым домом, а в провинциях имел столько земель, сколько не имел никто из частных лиц. (4) После должности консула, которую он занимал вместе с Александром, он по постановлению сената был послан в Африку проконсулом.

III. (1) Прежде чем говорить о приходе его к власти, скажу несколько слов о его нравах. (2) Гордиан, о котором здесь идет речь, в юности написал поэмы (все они сохранились), притом — на все те темы, на какие писал Цицерон — и о Марии, и Арата, и Гальционы, и Супружескую поэму, и Нил. Он написал их потому, что поэмы Цицерона казались слишком устаревшими. (3) Кроме того, подобно тому, как Вергилий написал Энеиду, Стаций — Ахиллеиду, а многие другие — Александриаду³, он написал Антониниаду, то есть об Антонине Пии и Антонине Марке; в очень звучных стихах он описал в тридцати книгах их войны и деяния в общественной и частной жизни. (4) Это он сделал, будучи еще мальчиком. Позднее, когда он вырос, он выступал с контравверсиями в Атенее, где его слушали даже императоры — его современники. (5) Должность квестора он исполнял с большим блеском. Будучи эдилом, он дал римскому народу за свой счет двенадцать зрелищ, то есть по одному зрелищу в месяц, причем выпускал иногда по пятисот пар гладиаторов и никогда — меньше ста пятидесяти. Однажды он выпустил на арену сто ливийских диких зверей, в другой раз — тысячу медведей. (6) В доме Гнея Помпея, украшенном носами кораблей, принадлежавшем ему, его отцу и прадеду и перешедшем во владение вашей казны во времена Филиппа, сохранилась картина, изображающая замечательный — принадлежавший ему — лес. (7) На этой картине еще и сейчас можно видеть двести широкогорых оленей вместе с британскими оленями, тридцать диких лошадей, сто диких овец, десять лосей, сто кипрских быков, триста мавретанских страусов, раскрашенных киноварью, тридцать диких ослов, сто пятьдесят диких кабанов, двести горных козлов и двести ланей. (8) Все это он позволил народу расхватать в тот день, когда в шестой раз давал зрелище.

IV. (1) Должность претора он исполнял выдающимся образом. После исполнения судебных обязанностей он стал консулом — в первый раз с Антонином Каракаллом, во второй — с Александром. (2) У него было двое сыновей. Один из них был уже консуляром — тот, который вместе с ним был провозглашен Августом и погиб на войне в Африке, близ Карфагена. Была у него и дочь Меция Фаустина, вышедшая замуж за консуляра Юния Бальба. (3) Во время своего консульства Гордиан затмевал консулов своего времени, так что Антонин завидовал ему, изумлялся больше, чем это подобает императору, то его претекстам, то широкой пурпурной полосе, то его цирковым играм. (4) Он первый из римлян, будучи частным лицом, имел свою собственную тунику, расшитую пальмовыми ветвями, и украшенную вышивками тогу, тогда как прежде даже императоры получали их с Капитолия или Палатина. (5) С разрешения императора он роздал цирковым партиям сто сицилийских и сто кашпадокийских коней и за это стал дорог народу, на который всегда действуют подобные вещи. (6) По словам Корда, Гордиан устроил на свой счет во всех городах Кампании, Этрурии, Умбрии, Фламинии и Пицены театральные представления в течение четырех дней и ювеналии. (7) Он написал

² Брокс предлагает читать: Herodiano.

³ Некоторые читают: Iliados.

прозой хвалебную речь в честь всех живших до него Антонинов. Он так любил Антонинов, что и себе, как говорят некоторые, добавил имя Антонина, а согласно утверждению большинства — Антония. (8) Достаточно известно, наконец, что своего сына, по имени Гордиана, он отличил новым именем Антонина, когда по римскому обычаю, заявляя у префекта государственного казначейства о рождении сына, вписывал его имя в официальные документы.

V. (1) После своего консульства он был сделан проконсулом Африки при общем одобрении со стороны всех тех, кто хотел, чтобы правление Александра считалось и действительно было славным даже в Африке, благодаря достоинствам его проконсула. (2) Имеется письмо самого Александра, в котором он выражает благодарность сенату за то, что он назначил Гордиана проконсулом Африки. (3) Вот его копия: «Вы не могли, отцы сенаторы, сделать ничего более угодного и приятного мне, чем послать проконсулом в Африку Антонина Гордиана, мужа знатного и великого духом, красноречивого, справедливого, воздержанного, хорошего» и прочее. (4) Из этого ясно, каким крупным человеком был в то время Гордиан. (5) Ни один проконсул до него не пользовался такой любовью африканцев. Одни называют его Сципионом, другие Катонем, многие — Муцием и Рутилием или Лелием. (6) Мы имеем их возгласы, записанные Юнием в его сочинении. (7) Так, однажды, когда он читал им императорский указ, начинавшийся упоминанием о проконсулах Сципионах, раздался возглас: «Хвала новому Сципиону, истинному Сципиону, проконсулу Гордиану!». Такие и другие подобные возгласы он слышал часто.

VI. (1) Он был обычного для римлян роста; у него была красивая седина, величественный вид, цвет лица — скорее красный, чем белый; лицо очень широкое, выражение глаз, очертания рта и лба — внушавшие почтение, телосложение — несколько полное. (2) Он отличался таким уравновешенным нравом, что его нельзя упрекнуть ни в одном поступке, который был бы вызван горячностью, нескромностью или неумеренностью. (3) Он был исключительно привязан к своим близким, питал безграничную любовь к сыну и внуку, благоговейную — к дочери и внучке. (4) Он так уважал своего тестя Анния Севера, что считал себя как бы перешедшим в его семью в качестве сына, никогда не мылся вместе с ним и до получения должности претора никогда не садился в его присутствии. (5) В бытность свою консулом он либо постоянно пребывал в его доме, либо, если жил в Помпеевом доме, каждое утро или вечер заходил к нему. (6) Он был воздержан в употреблении вина, очень умерен в еде, носил щегольскую одежду, питал большую страсть к купанию, так что летом купался по четыре-пять раз в день, а зимой — по два раза. (7) У него была очень большая потребность во сне, так что, обедая у друзей, он без стеснения засыпал в столовой. Это происходило, по-видимому, не от опьянения или невоздержанности, а в силу естественной потребности.

VII. (1) Добрые нравы, однако, не принесли ему никакой пользы. При таком почтенном образе жизни, постоянно читавший Платона, Аристотеля, Туллия, Вергилия и других древних писателей, он закончил свою жизнь не так, как заслуживал. (2) Во времена Максимиана, человека свирепого и дикого, Гордиан в качестве проконсула управлял Африкой, причем в легаты ему был дан его сын — уже бывший консул. Один счетный чиновник проявлял по отношению к очень многим африканцам такую жестокость, какой не мог бы допустить даже сам Максимиан: у очень многих он конфисковал имущество, многих убивал, распоряжался всем, превышая полномочия прокуратора. Затем, когда проконсул и легат, люди знатные и консуляры, стали обуздывать его, он начал угрожать им убийством. Африканцы, не будучи в состоянии терпеть дольше столь невыносимые обиды, прежде всего, соединившись с большим количеством воинов, убили самого счетного чиновника. (3) Убив его в то время, как весь круг земель пылал ненавистью к Максимиану, они стали затем думать о том, как бы прекратить раздоры, возникшие между приверженцами Максимиана и сельскими жителями, то есть африканцами. (4) Тогда некий декурион, по имени Мавриций, пользовавшийся среди африканцев большим влиянием, обратился на своем поле близ города Тисдры к городскому и сельскому народу, словно на сходке, с речью, которая впоследствии получила пирочайшую известность:

VIII. (1) «Воздадим благодарность бессмертным богам, граждане, за то, что они дали нам случай и притом вызванный необходимостью, заранее принять меры против бешеного человека — Максимиана. (2) После убийства его прокуратора, совершенно похожего на него своими нравами и образом жизни, мы можем спасти себя только тем, что выберем себе императора. (3) Ввиду того, что неподалеку отсюда находится проконсул, муж весьма знатного происхождения, вместе с сыном, консуляром-легатом, и обоим им эта язва угрожала смертью, — назовем их, с вашего согласия, императорами и, сняв со знамен пурпур, закрепим, согласно римскому праву, их избрание знаками власти». (4) Тогда раздались возгласы: «Верно! Справедливо! Гордиан Август, да хранят тебя боги! Счастливо будь императором! Повелевай вместе с сыном!». (5) После этого поспешно прибыли в Тисдру. Там нашли почтенного старца, который после разбора судебных дел лежал на кровати. Когда на него набросили порфиру, он упал на землю, но был поднят, несмотря на свое сопротивление. (6) Чтобы избежать опасности, которая грозила ему предположительно — со стороны приверженцев Максимиана и бесспорно — со стороны его собственных благожелателей, старец, которому ничего другого не оставалось, согласился на то, чтобы его провозгласили императором.

IX. (1) Ему было уже восемьдесят лет, и он уже прежде, как мы сказали, управлял очень многими провинциями. Своей деятельностью он так хорошо зарекомендовал себя перед римским народом, что его считали достойным управлять всей империей. (2) Об убийстве счетного чиновника Гордиан раньше совсем не был осведомлен. Когда же он узнал об этом, то, находясь на пороге смерти и боясь больше всего за сына, он предпочел смерть за честное дело оковам и темнице у Максимиана. (3) После провозглашения Гордиана императором молодые люди, по почину которых это было сделано, сбросили статуи Максимиана, разбили его изображения, стерли его имя в официальных текстах, а самого Гордиана называли Африканским. (4) Некоторые добавляют, что прозвание «Африканский» было дано Гордиану не потому, что он стал императором в Африке, а потому, что он происходил из рода Сципионов. (5) В большей части книг я нахожу указания, что и этот Гордиан, и его сын — оба были провозглашены императорами и получили прозвание Антонинов, а в некоторых книгах сказано — прозвание Антониев. (6) После этого они прибыли из Тисдры в Карфаген с царственной пышностью, со связками, украшенными лавром. Сын, бывший у отца легатом — по примеру Сципионов, был облечен, как сообщает греческий историк Дексипп, такую же властью, как и отец. (7) Затем было отправлено в Рим с письмом Гордианов посольство, которое рассказало о том, что произошло в Африке. Оно было с радостью принято Валерианом, первоприсутствующим в сенате, которым впоследствии был императором. (8) Были посланы также письма к знатым друзьям, чтобы эти влиятельные люди одобрили самое дело и стали еще большими друзьями.

X. (1) Сенат принял с такой радостью весть о провозглашении противопоставленных Максимиану Гордианов императорами, что не только одобрил случившееся, но и избрал двадцать мужей, среди которых были Максим, или Пуппиен, и Клавдий Бальбин — оба они стали императорами после гибели Гордианов в Африке. (2) Этих мужей сенат выбрал для того, чтобы распределить между ними отдельные области Италии для защиты их против Максимиана от имени Гордианов. (3) Тогда в Рим прибыли посольства от Максимиана с обещанием забыть прошлое. (4) Но победу одержало посольство Гордианов, которое обещало всякие блага; оно сулило воинам огромное жалование, а народу — земли и раздачи, и ему поверили. (5) Гордианам доверяли в такой степени больше, чем Максимиану, что — по приказу сената — был убит решительными людьми, квестором и воинами, стоявший во главе преторианцев некий Виталиан за то, что он прежде проявлял жестокость; теперь еще больше опасались его лютости, столь родственной и близкой нраву Максимиана. (6) О его смерти передают следующий рассказ. Было составлено подложное письмо от имени Максимиана, запечатанное как бы его перстнем. Отнести его было поручено квестору и воинам; они должны были добавить, что, кроме письма, им следует передать ему кое-что по секрету. (7) Прошли в отдаленный порт; он спросил их о том, что они должны были сказать ему по секрету, а они предложили ему сначала проверить печать на письме и, в то время как он рассматривал ее, убили

его. (8) Воинов затем убедили в том, что Виталиан убит по приказанию Максимина. После этого в лагере было выставлено письмо и изображение Гордианов.

XI. (1) Важно, чтобы постановление сената, в котором Гордианы были провозглашены императорами, а Максимин объявлен врагом, получило известность в литературе. (2) Не в установленный для заседания сената, а в специально назначенный день, консул, встретившись уже в своем доме с преторами, эдилами и народными трибунами, направился в курию. (3) Префект Рима, имевший какие-то подозрения, не получив официального извещения, воздержался от участия в собрании. Но это оказалось к стати, так как консул, прежде чем раздались обычные возгласы, раньше чем успели высказать счастливые пожелания Максимину, сказал: (4) «Отцы сенаторы, двое Гордианов — отец и сын, оба бывшие консулы, один — ваш проконсул, а другой — ваш легат, провозглашены императорами на великом совете африканцев. (5) Поэтому поблагодарим молодежь Тисдры, поблагодарим карфагенский народ, всегда преданный нам: они охранили нас от лютого чудовища, от этого дикого зверя. (6) Но почему вы с такой робостью слушаете меня? Почему озираетесь? Почему колеблетесь? Произошло то, чего вы всегда желали. (7) Максимин — враг. Боги сделают так, что он перестанет существовать, и мы с радостью испытаем на себе счастье и благоразумие старшего Гордиана, доблесть и твердость младшего». (8) После этого он прочитал письмо Гордиана, посланное ему и сенату. (9) Тогда раздались возгласы сената: «Благодарим вас, боги! Мы освобождены от врагов и да будем мы освобождены полностью! Мы все считаем Максимина врагом! Максимина вместе с сыном мы обрекаем подземным богам! (10) Гордианов мы провозглашаем Августами! Гордианов мы признаем государями! Да сохранят боги императоров, избранных из состава сената! Да увидим мы победителями благородных императоров! Да увидит наших императоров Рим! Кто убьет общественных врагов, заслуживает награды!».

XII. (1) Юний Корд говорит, что это постановление сената было тайным. Я вкратце изложу, что это за постановление и почему оно так называется. (2) В настоящее время тайное постановление бывает вообще одного только рода — когда ваша милость, созвав у себя во внутренних покоях высших должностных лиц, отдает распоряжения, не подлежащие обнародованию; обычно вы даже даете клятву, для того чтобы никто ничего не узнал и не подозревал, пока дело не будет завершено. (3) У наших предков этот обычай возник под влиянием государственной необходимости. Тайное постановление сената выносилось в тех случаях, когда со стороны врагов угрожало какое-нибудь насилие, вынуждавшее либо принять унижительное решение, либо постановить то, что следовало привести в исполнение, прежде чем об этом начнут говорить, — или в тех случаях, когда не хотели, чтобы какие-либо сведения проникли к друзьям. При таких делах не присутствовали ни писцы, ни государственные рабы, ни служащие ценза. Сенаторы брали все на себя, сенаторы исполняли все обязанности служащих ценза и писцов для того, чтобы ничего не было разглашено. (4) Таким образом, было вынесено тайное постановление сената, чтобы весть не дошла до Максимина.

XIII. (1) Но так уж устроены некоторые люди, что они стыдятся, если другие не узнают через них то, что известно им, и считают себя ничтожнейшими, если не выдают того, что им доверено. Поэтому Максимин немедленно узнал обо всем и даже получил копию тайного постановления сената, чего прежде никогда не случалось. (2) Имеется следующее его письмо префекту Рима: «Я прочитал тайное сенатское постановление наших пресловутых вельмож, о существовании которого ты, префект Рима, может быть и не знал, так как ты даже не присутствовал при этом. Посылаю тебе копию этого постановления, чтобы ты узнал, как ты управляешь государством». (3) Нельзя передать, в какое волнение пришел Максимин, когда узнал, что Африка поднялась против него. (4) Получив известие о решении сената, он бросался на стену, рвал на себе одежды, выхватывал меч, как будто он мог убить всех, и был явно в состоянии крайнего бешенства. (5) Префект Рима, получив резкое письмо, обратился к народу и воинам с речью, в которой он сказал, что Максимин уже убит. (6) После этого ликование возросло. Немедленно были брошены статуи и изображения того, кто был объявлен врагом. (7) Ввиду угрозы войны, сенат стал пользоваться прибавшей ему властью.

Он приказал убить доносчиков, клеветников, прокураторов и все подонки максиминовой тирании. (8) Но того, что присудил сенат, оказалось мало; народ творил свой суд — убитых волочили по земле и бросали в клоаку. (9) Тогда был убит ударом палки и брошен на улице и префект Рима Сабин, который был уже консуляром.

XIV. (1) Как только Максимин узнал об этом, он обратился к воинам с такого рода речью: «Священные для меня соратники или, скорее, товарищи, связанные со мною присягой, большинство которых действительно участвует в войне вместе со мною, — пока мы защищаем от Германии величие Рима, пока мы освобождаем Иллирик от варваров, африканцы показали свое пуническое вероломство. (2) Они назначили нам в императоры двоих Гордианов, из которых один так одряхлел от старости, что не может стоять на ногах, а другой доведен излишествами до такой степени истощения, что его бессилие равносильно старости. (3) Но этого мало: сам наш благородный сенат признал дело, совершенное африканцами, и те люди, за чьих детей мы сражаемся, противопоставили нам двадцать мужей и высказались все против нас, словно против врагов. (4) Действуйте же так, как подобает мужам. Нужно скорее идти на Рим, — ведь там выбраны и противопоставлены нам двадцать мужей — консуляров. Надо оказать им сопротивление; при этом мы должны действовать решительно, а вы — счастливо сражаться» (5) Сам Максимин понял на этой сходке, что настроение воинов — вялое, отнюдь не бодрое. (6) Он тотчас же написал сыну, который следовал за ним на большом расстоянии, чтобы тот поспешил к нему: он опасался, как бы воины в отсутствие отца не замыслили чего-либо против сына. (7) Юний Корд опубликовал копию этого письма в таком виде: «Тинханий, принадлежащий к моей свите, сообщит тебе новости, которые я узнал относительно событий в Африке и Риме; сообщит он и о настроении воинов. (8) Прошу тебя, поспеши, как только можешь, чтобы солдатская толпа не учинила, по своему обыкновению, чего-нибудь чрезвычайного. Чего именно я опасюсь — ты услышишь от моего посланца».

XV. (1) Одновременно с этими событиями против обоих Гордианов выступил в Африке некий Капелиан, который и в частной жизни всегда был противником Гордиана и которого последний, став императором, отстранил от должности начальника мавров, на которую он, как ветеран, был назначен Максиминим. После прибытия назначенного Гордианом преемника Капелиан, собрав мавров и беспорядочную толпу, устремился в Карфаген, и карфагенский народ, со свойственным ему пуническим вероломством, склонился на его сторону. (2) Желая испытать военное счастье, Гордиан послал против Капелиана и сторонников Максимина своего сына, человека уже зрелых лет, имевшего от роду сорок шесть лет, который, как мы сказали, был тогда его легатом, — в своем месте мы скажем о его нравах. (3) Но что касается военных действий — Капелиан оказался более смелым, а младший Гордиан — не столь опытным, так как его отвлекали от военного дела жизненные блага, которыми обычно пользуется знать; произошла битва, и Гордиан был побежден и убит.

XVI. (1) Говорят, что в этой битве погибло столько приверженцев Гордиана, что, несмотря на долгие поиски, не могли найти тела Гордиана младшего. (2) Кроме того, была ужасная буря, редкое явление в Африке, которая расстроила войска Гордиана перед сражением; воины Гордиана оказались неготовыми к битве, и это облегчило победу Капелиану. (3) Когда старший Гордиан узнал об этом, он, не имея в Африке никакой защиты, опасаясь Максимина, думая о пуническом вероломстве и о решительном наступлении Капелиана, удрученный горем и упавший духом, окончил жизнь, удавившись в петле. (4) Таков был конец обоих Гордианов, которых сенат провозгласил Августами, а впоследствии причислил к богам.

ГОРДИАН МЛАДШИЙ

XVII. (1) Он, сын старого Гордиана, проконсула Африки, провозглашенный Августом вместе с отцом — африканцами и сенатом, выделялся, помимо своего знатного происхождения, также своей образованностью и своими нравами. Род свой он вел,

как утверждают некоторые, от Антонинов, а, по мнению большинства, — от Антониев. (2) В доказательство его знатного происхождения некоторые приводят то, что Гордиан старший назывался Африканским, то есть носил прозвание Сципионов, а также и то, что он владел в Риме Помпеевым домом, всегда носил прозвание Антонинов и сам пожелал, чтобы его сына называли в сенате Антонием, — все это указывает на принадлежность к определенным фамилиям. (3) Я, однако, разделяю мнение Юния Корда, который говорит, что знатность Гордианов складывалась из знатности всех этих фамилий. (4) Он был первым сыном своего отца от Фабии Орестиллы, правнучки Антонина, а это связывало его с родом Цезарей. (5) С первых дней после рождения он получил имя Антонина⁴, но затем его обычно стали называть Гордианом.

XVIII. (1) В науках Гордиан подавал большие надежды, выделялся он и своей наружностью. Он обладал исключительной памятью, отличался замечательной добротой: когда в школе секли кого-нибудь из мальчиков, он не мог удержаться от слез. (2) Учитель его Серен Саммоник, ближайший друг его отца, до такой степени был привязан к нему и любил его, что, умирая, оставил Гордиану младшему все книги своего отца Серена Саммоника, которых насчитывалось до шестидесяти двух тысяч. (3) Это обстоятельство подняло его на недостижимую высоту: получив в дар такую богатую и великолепную библиотеку, он приобрел во мнении людей славу блестяще образованного человека. (4) Должности клестора он достиг благодаря Гелиогабалу — вследствие того, что этому погрязшему в излишествах императору расхвалили разгульность молодого человека, которая, однако, не была связана ни с излишествами, ни с бесславием. (5) Благодаря Александру он получил должность городского претора, исполняя которую он так прославился разбором судебных дел, что был удостоен консульства, которое отец его получил поздно. (6) Во времена Максимиана или того же Александра сенат послал его легатом к отцу-проконсулу, и тогда произошли те события, о которых рассказано выше.

XIX. (1) Он питал некоторую страсть к вину, которое, однако, всегда было чем-нибудь приправлено — то розой, то полынью, то душистой смолой и всем тем, что доставляет величайшее удовольствие желудку. (2) В еде он был умерен, так что завтрак — в тех случаях, когда он завтракал — и обед он кончал в одно мгновение. (3) Женщин он любил страстно. Говорят, что у него были двадцать две заведомые наложницы и от каждой из них он оставил по трое-четверо детей. (4) Его называли Приамом своего времени, причем из-за его чрезмерного сластолюбия в шутку часто звали Приамом вместо Приама. (5) Жизнь он проводил в удовольствиях — в садах, банях, в прелестнейших рощах. Отец не осуждал его за это и очень часто говорил, что сын его когда-нибудь скоро умрет в великой славе. (6) Отличаясь от хороших людей своим образом жизни, он, однако, не уступал им в храбрости, считался всегда одним из славнейших граждан и был готов подать совет в государственных делах. (7) Наконец, сенат очень охотно провозгласил его Августом, возлагая на него надежды государства. Одевался он очень изысканно. Был дорог рабам и всем своим домашним. (8) Корд говорит, что он никогда не хотел жениться. (9) Напротив, Дексипп полагает, что его сыном был Гордиан третий, который после этого еще мальчиком достиг императорской власти вместе с Бальбином и Пуппиеном, или Максимом.

XX. (1) Однажды, когда старший Гордиан совещался о гороскопе сына с астрологом, последний, говорят, сказал, что тот будет сыном и отцом императора и сам будет императором. (2) Когда старший Гордиан рассмеялся, астролог, как рассказывают, показал ему расположение звезд и, приводя слова древних книг, доказал, что он сказал правду. (3) С непоколебимой уверенностью в правдивости своих предсказаний астролог указал старику и молодому день и вид их смерти а также место, где им суждено погибнуть. (4) Все это, как говорят, старший Гордиан рассказывал впоследствии в Африке, будучи уже императором и ничего не опасаясь, и говорил о смерти своей

⁴ Конъектура Петера: Antoni[n]i.

и сына и о роде смерти. (5) При виде своего сына старик очень часто пел следующие стихи:

Судьбы его земле покажут только и дольше
Жить не дадут. Чересчур бы мощным для вас оказался,
Вышние, римский род, коль такими владел бы дарами⁵.

(6) Имеются изречения Гордиана младшего и в прозе, и в стихах, которые и ныне повторяются его родственниками; они не блестящи, не ничтожны, но занимают среднее место. Они явно принадлежат человеку даровитому, но ведущему роскошную жизнь и губящему свое дарование.

XXI. (1) Он был в высшей степени жаден до фруктов и овощей, вообще же — весьма умерен в пище; он постоянно поглощал какие-нибудь свежие фрукты. (2) Ему очень нравилось холодное питье, летом он охотно пил только холодное, и притом в большом количестве. Он отличался крупным телосложением и потому предпочитал холодное. (3) Вот что мы знаем о Гордиане младшем и что достойно упоминания. Ведь мы не считаем нужным говорить о том, о чем так смехотворно и глупо написал Юний Корд — по поводу домашних развлечений и прочих лишенных значения вещей. (4) Тот, кто пожелал бы познакомиться с этим, пусть читает самого Корда, который говорит и о том, какие рабы были у каждого государя, и какие друзья, и сколько дорожных плащей, и сколько хламид. Знание таких вещей не может принести никакой пользы, — если историографы должны заносить в историю лишь то, чего нужно избегать или чему нужно следовать. (5) Считая, что нельзя оставить без внимания то, что я прочитал у Вулкания Теренциана, который также написал историю своего времени, я записал — так как это показалось мне удивительным, — что Гордиан старший чертами лица в такой степени напоминал Августа, что, казалось, был подобен ему также голосом, нравом и осанкой; сын его, как казалось, чрезвычайно походил на Помпея, хотя и утверждают, что Помпей не был тучен; внук же, изображения которого мы видим и теперь, был похож лицом на Сципиона Азиатского. Все это так убедительно, что я не счел возможным умолчать об этом.

ГОРДИАН ТРЕТИЙ

XXII. (1) После смерти двух Гордианов встревоженный сенат, еще сильнее опасаясь Максимиана, провозгласил Августами бывших консулов Пуппиена, или Максима и Клодия Бальбина — из числа двадцати мужей, которые были избраны для защиты государства. (2) Тогда народ и воины попросили провозгласить маленького Гордиана, которому в то время, как утверждают многие, было одиннадцать лет, по словам некоторых — тринадцать, а согласно Юнию Корду — шестнадцать (ибо он утверждает, что этот Гордиан погиб на двадцать втором году жизни). (3) Его унесли в сенат, затем поставили перед сходкой, облачили в императорскую одежду и объявили Цезарем. (4) Родился он, как утверждают многие, от дочери Гордиана, а по словам одного или двух писателей (больше я найти не мог) — от сына, который погиб в Африке⁶. (5) Став Цезарем, Гордиан воспитывался у матери. Когда после гибели Максимиана были также убиты во время военного мятежа Максим и Бальбин, которые были императорами в течение двух лет, юноша Гордиан, бывший до тех пор Цезарем, при проявлениях необыкновенной любви, необыкновенной привязанности и расположения был провозглашен Августом воинами, сенатом и всеми племенами. (6) Его любили за заслуги деда и дяди или отца, которые — оба — взялись за оружие против Максимиана за римский сенат и народ и погибли — один смертью воина, а другой вследствие стечения обстоятельств, вызванных войной. (7) После этого ветераны подошли к курии, чтобы узнать, что произошло. (8) Двое из них взойшли на Капитолий, когда там происходило заседание сената, и были убиты перед алтарем бывшим консулом Галликаном и бывшим военным начальником Меценатом. (9) Возникло междоусобие, так как сенаторы были также

⁵ Verg., Aen. VI, 869—71.

⁶ Казабон вставляет сюда фразу из гл. XXIII, § 1: «Dexippus.... natum».

вооружены, а ветераны не знали, что императорская власть принадлежит теперь одному только юноше Гордиану.

XXIII. (1) Дексипп уверяет, что третий Гордиан родился от сына Гордиана. После того как ветеранам стало известно, что императором является один только Гордиан, между народом, воинами и ветеранами установился мир. Присвоение консульства мальчику Гордиану положило конец междоусобию. (2) Но было указание о том, что Гордиан будет императором недолго: произошло солнечное затмение, так что, казалось, наступила ночь и нельзя было ничего делать без зажженных светильников. (3) После этого римский народ, чтобы загладить жестокие поступки, предался удовольствиям и наслаждениям. (4) В консульство Венуста и Сабина⁷ в Африке имело место выступление против Гордиана третьего под предводительством Сабиниана. Благодаря наместнику Мавретании, осадившему заговорщиков, Гордиан так стеснил Сабиниана, что все восставшие пришли в Карфаген, чтобы выдать Сабиниана, каялись в своем преступлении и просили прощения за свою вину. (5) После прекращения беспорядков в Африке, в консульство Гордиана (уже вторичное) и Помпеяна началась Персидская война⁸. (6) В это время, прежде чем отправиться на войну, юноша Гордиан взял в жены дочь Мизитея, ученейшего человека, которого Гордиан считал за его красноречие достойным своего родства и немедленно назначил префектом. (7) После этого правление Гордиана не казалось уже ребяческим и заслуживающим презрения, так как ему помогал своими советами превосходный тесть и сам он, проникнутый чувством благоговения, стал несколько более рассудительным и не давал кастратам и придворным слугам своей матери торговать его волей, пользуясь его незнанием или попустительством.

XXIV. (1) Имеются, наконец, письма тестя Гордиану и самого Гордиана тестю, из которых явствует, что государство стало в его время управляться лучше и исправнее благодаря помощи тестя. Вот их копии: (2) «Владыке, сыну и Августу Мизитею, тесть и префект. Мы избежали тяжкого позора нашего времени, когда кастраты и люди, которые казались тебе твоими друзьями (в действительности же они были злейшими недругами), торговали всем. Это тем более отрадно, что ты приветствуешь это улучшение, вследствие чего становится совершенно очевидным, что ты, мой уважаемый сын, непричастен к имевшим место злоупотреблениям. (3) В самом деле, никто не мог выносить того, чтобы назначения на руководящие военные посты зависели от ходатайства евнухов, чтобы отказывали в наградах за труды, чтобы убивали или освобождали по прихоти и за деньги тех, кого не следовало, чтобы государственная казна опустошалась, чтобы те, кто с коварнейшими замыслами бывал у тебя, плели интриги с целью обмануть тебя, причем наихудшие люди заранее сговаривались между собой относительно тех решений о хороших людях, которые следует внушить тебе: хороших людей они изгоняли, привлекали достойных ненависти и, наконец, торговали всеми твоими словами. (4) Поэтому поблагодарим богов за то, что по твоему собственному желанию, управление государством улучшилось. (5) Приятно быть тестем хорошего государя, который обо всем осведомляется и хочет знать все, который удалил от себя тех, кто его самого как бы выставил для продажи с аукциона».

XXV. (1) Также — от Гордиана ему: «Император Гордиан Август Мизитею, отцу и префекту. Если бы всемогущие боги не оберегали Римской империи, то и теперь еще купленные кастраты продавали нас словно на публичных торгах. (2) Теперь, наконец, я понимаю, что не следовало ни назначать Фелиционов начальниками преторианских когорт, ни вверять командование четвертым легионом Серапаммону и — чтобы не перечислять всего — не следовало делать многое из того, что я сделал. Но благодаря богам за то, что от тебя, который ничем не торгует, я научился тому, чего не мог узнать, живя взаперти. (3) Что мне было делать, когда нами торговала даже мать и, заранее сговорившись с Гаудианом, Реверендом и Монтаном, хвалила одних и порицала других, а мне приходилось одобрять то, что говорила она и подтверждали они как свидете-

⁷ 240 г.

⁸ 241 г.

ли? Отец мой, прошу тебя, выслушай правду: несчастен тот император, от которого скрывают правду; лишенный возможности ходить среди народа, он вынужден слушать и утверждать то, что он слышит, или то, что подтверждено большинством». (5) На основании этих писем стало понятно, что юноша, благодаря советам тестя, исправился и стал лучше. (6) Некоторые говорят, что письмо Мизитея было написано на греческом языке, но смысл письма именно такой. (7) Такой вес имели почтенность и безупречность Мизитея, что благодаря ему стал славным государем Гордиан, который до того ничем, кроме своего знатного происхождения, не выделялся.

XXVI. (1) При императоре Гордиане произошло такое страшное землетрясение, что даже целые города вместе с людьми погибли в расселинах земли. По этому поводу по всему Риму и по всему кругу земель были совершены обильные жертвоприношения. (2) Корд также говорит, что мировые бедствия прекратились после того, как справились в Сивиллиных книгах и исполнили все то, что в них было указано. (3) После прекращения землетрясения в консульство Претекстата и Аттика⁹ Гордиан, открыв храм двуликого Януса (а это было знаком объявления войны), выступил против персов с огромным войском и таким количеством золота, что мог бы легко победить персов с помощью либо вспомогательных войск, либо своих воинов. (4) Он направил путь в Мезию и, во время самого похода, истребил, обратил в бегство, изгнал и оттеснил всех врагов, сколько их ни было во Фракии. (5) Оттуда он через Сирию подошел к Антиохии, которую уже завладели персы. Там он часто вступал в сражения и побеждал; (6) оттеснив персидского царя Сапора, который царствовал после Артаксеркса, он взял обратно и Антиохию, и Карры, и Низибис, которые находились все под властью персов.

XXVII. (1) Персидский царь так боялся государя Гордиана, что, несмотря на имевшиеся в его распоряжении его собственные и наши силы, добровольно увел свои гарнизоны из городов и передал эти города целыми и невредимыми их жителям, не тронув при этом ничего из их имущества. (2) Все это было достигнуто благодаря Мизитею, тестю Гордиана, который был и префектом. (3) Наконец, добились того, что персы, прихода которых боялись уже в Италии, после битв с Гордианом, вернулись в свою страну, и Римское государство держало в своих руках весь Восток. (4) Имеется обращение Гордиана к сенату, где он пишет о своих деяниях и приносит глубокую благодарность Мизитею, своему префекту и тестю. Я привожу из него отрывок, откуда ты узнаешь истину: (5) «После того, отцы сенаторы, что было сделано нами в пути, и всех тех дел, которые были совершены в разных местах и заслуживают отдельных триумфов, мы — чтобы в коротких словах рассказать многое — сняли с антиохийцев железное персидское ярмо, которое они носили на шее, и удалили персов и персидских царей вместе с их законами. (6) Затем мы возвратили Римской империи Карры и другие города. Мы дошли до Низибиса и, если боги будут нам покровительствовать, дойдем до Ктезифонта. (7) Только бы здравствовал Мизитей, наш префект и отец, под чьим руководством и благодаря чьим распоряжениям мы завершили все это и завершим остальное. (8) Ваш долг — назначить благодарственные моления, молиться за нас богам и выразить благодарность Мизитею». (9) После прочтения этого письма сенат назначил Гордиану четверку слонов за победу над персами, чтобы он справил персидский триумф, а Мизитею — упряжку из шести коней, триумфальную колесницу и такого рода надпись: (10) «Мизитею, выдающемуся мужу, отцу государей, префекту претория, охранителю всего мира, восстановителю государства, воздали в свою очередь римский сенат и народ».

XXVIII. (1) Но счастье это не могло быть продолжительным. Действительно, Мизитей, по словам многих, пал жертвой происков Филиппа, который был назначен после него префектом претория; по словам других, он умер от болезни. Наследником его стало Римское государство, так что всё, принадлежавшее ему, увеличило собой средства города Рима. (2) Мизитей сделал такие распоряжения, чтобы не было ни одного — способного принять римское войско и государя — пограничного города, который не имел бы на целый год запаса продовольствия в виде винного уксуса, хлеба, сала, ячменя

и мякины. Менее значительные города имели запас — одни на тридцать дней, другие на сорок, некоторые на два месяца и — самое меньшее — на пятнадцать дней. (3) Будучи префектом, он всегда производил осмотр оружия воинов. Он не позволял ни одному старику оставаться в рядах войска, ни одному мальчику получать паек. Он обходил всякий лагерь и его рвы, часто по ночам проверял караулы. (4) Все любили его за то, что он так любил государство и государя. Трибуны и военные начальники до такой степени боялись и любили его, что не хотели оказываться виновными и ни в чем не бывали виноваты. (5) Говорят, что Филипп по многим причинам очень боялся его и поэтому злоумышлял против его жизни, действуя через врачей. Происходило это так: (6) когда Мизитей болел расстройством желудка и врачи прописали ему питье для укрепления желудка, приготовленное лекарство, говорят, было подменено и было подано другое, от которого расстройство усилилось. И таким образом скончался Мизитей.

XXIX. (1) После его смерти, в консульство Арриана и Паппа¹⁰ префектом претория на его место был назначен Филипп Араб, человек низкого происхождения, но надменный, который и при такой необычной и непомерной перемене в своей судьбе не сдержал себя и сразу начал, действуя через воинов, строить козни против Гордиана, который принял его на место, принадлежавшее раньше его отцу. Было это так. (2) Мизитей, как мы уже говорили, создал такие огромные запасы продовольствия, что римские военные планы могли выполняться беспрепятственно. Однако, по проискам Филиппа, прежде всего, корабли, везшие хлеб, были направлены в другие стороны, а затем воины были отведены в такие места, где нельзя было достать провизии. (3) Этим он сразу восстановил против Гордиана воинов, так как они не понимали, что молодой человек был коварным образом обманут Филиппом. (4) Этим Филипп не ограничился: он пустил слух среди воинов, что Гордиан слишком юн и не может управлять империей, что лучше править тому, кто умеет управлять воинами и государством. (5) Кроме того, он даже подкупил военачальников и достиг того, что стали открыто требовать, чтобы Филипп взял на себя императорскую власть. (6) Сначала друзья Гордиана оказывали сильное сопротивление, но — ввиду того, что голод одолевал воинов, — власть была вверена Филиппу. Воины потребовали, чтобы Филипп был императором на равных правах с Гордианом и был как бы его опекуном.

XXX. (1) Приняв на себя императорскую власть, Филипп стал держать себя по отношению к Гордиану очень высокомерно, а тот, сознавая себя императором и потомком императоров и происходя из знатнейшей фамилии, не мог выносить наглости этого человека низкого происхождения. Он поднялся на трибуну и стал жаловаться начальникам и воинам в присутствии префекта Меция Гордиана, своего родственника, в надежде добиться отнятия власти у Филиппа. (2) Но он ничего не достиг этой своей жалобой, обвиняя Филиппа в том, что тот забыл о его благодеяниях и оказался неблагодарным. (3) Он просил воинов, прямо обращался к начальникам, но приверженцы Филиппа оказались сильнее. (4) Наконец, видя, что его ставят ниже Филиппа, он просил, чтобы, по крайней мере, власть была разделена между ними на началах равенства, но не добился и этого. (5) Потом он просил, чтобы его считали Цезарем, но не получил и этого. (6) Он просил даже, чтобы его назначили префектом у Филиппа, но и в этом ему было отказано. (7) Последняя его просьба заключалась в том, чтобы Филипп взял его в полководцы и оставил ему жизнь. На это Филипп почти дал согласие, — сам он хранил молчание, действуя через других и давая им знаки и указания. (8) Но, оставшись наедине и подумав о том, что — вследствие любви римского народа, сената, всей Африки и Сирии и всего римского мира к Гордиану, так как последний знатен, является внуком и сыном императоров и освободил государство, ведя тяжелые войны, — может случиться так, что когда-нибудь расположение воинов вновь вернется к Гордиану, и ему будет возвращена власть, Филипп, воспользовавшись тем, что сильный гнев воинов против Гордиана, вызванный голодом, еще не остыл, приказал увести его, несмотря на его крики, снять с него все и убить. (9) Сначала это было отложено, а затем, согласно

¹⁰ 243 г.

приказанию, исполнено. Таким образом Филипп и получил власть — бесчестным путем, а не по праву.

XXXI. (1) Гордиан был императором шесть лет. Пока все это происходило в Азии, скифский царь Аргунт начал разорять соседние царства, главным образом по той причине, что он узнал о смерти Мизитея, чьим разумом управлялось государство. (2) Филипп же, чтобы не казалось, что он достиг власти путем жестокости, послал в Рим письмо, в котором он написал, что Гордиан умер от болезни, и что сам он избран всеми войнами. Сенат был введен в заблуждение, так как речь шла о делах, о которых он не был осведомлен. (3) Провозгласив Филиппа государем и назвав его Августом, он причислил юного Гордиана к богам. (4) Гордиан был жизнерадостным, красивым, обходительным молодым человеком, всем он нравился, в жизни был приятен, отличался образованностью — словом, он обладал всеми данными, кроме возраста, чтобы быть императором. (5) До интриги Филиппа его любили, как никого из государей, и народ, и сенат, и воины. (6) По словам Корда, все воины называли Гордиана сыном; сыном звал его и сенат, а весь народ звал его своей отрадой. (7) Наконец, и Филипп, умертвив его, не осмелился ни удалить его изображения, ни сбросить его статуи, ни стереть его имя, но, называя его всегда божественным, даже перед теми войнами, которые участвовали в его интриге, серьезно и с неримской хитростью чтил Гордиана.

XXXII. (1) Еще и теперь стоит дом Гордианов, который замечательно украсил последний Гордиан. (2) Существует и их вилла на Пренестинской дороге, с двумястами расположенных в четыре ряда колонн, из них пятьдесят из каристского мрамора, пятьдесят — из клавдианского, пятьдесят — из синнадского и пятьдесят — из нумидийского, одинаковых размеров. (3) В ней имеются три базилики длиной в сто футов каждая; этому сооружению соответствует все прочее, также и термы, подобных которым в те времена не было на всем круге земель, за исключением Рима. (4) Относительно семьи Гордиана сенат постановил навсегда освободить его потомков от опеки, посольств и общественных повинностей, за исключением случаев, когда они сами пожелают взять это на себя. (5) В Риме не имеется сооружений Гордиана, если не считать некоторых нимфеев и бань. Но бани служили только для нужд частных лиц и были приспособлены им для частного пользования. (6) На Марсовом поле, у подножия холма, он предпринял постройку портика в тысячу футов с тем, чтобы и с противоположной стороны был также портик в тысячу футов, а между ними оставалось пространство в пятьсот футов, на котором с той и другой стороны должны были быть сады с густо посаженными лаврами, миртами, буками, а середина, выложенная мозаикой и окаймленная на протяжении тысячи футов — с обеих сторон — невысокими колоннами и маленькими статуями, должна была служить местом для гуляния и замыкаться базиликой в пятьсот футов. (7) Кроме того, он, вместе с Мизитеем предполагал построить позади базилики летние термы, которые должны были носить его имя, а перед входом в портики поместить зимние бани; внутри должны были быть сады или портики. (8) В настоящее время все эти места заняты владениями, садами и постройками частных лиц.

XXXIII. (1) При Гордиане в Риме было тридцать два слона, из которых двенадцать прислал он сам, а десять — Александр; десять лосей, десять тигров, шестьдесят прирученных львов, тридцать прирученных леопардов, десять бельб — то есть гиен, тысяча пар казенных гладиаторов, шесть гиппопотамов, один носорог, десять косматых львов, десять жирафов, двадцать диких ослов, сорок диких лошадей и бесчисленное количество всевозможных других животных. Всех этих животных Филипп либо роздал, либо позволил убить во время секулярных игр. (2) Предназначались все эти прирученные и дикие животные для персидского триумфа. (3) Но это общее желание осталось неисполненным, так как Филипп предоставил всех этих животных для секулярных игр, зрелищ и цирковых игр, когда он — в свое консульство и консульство своего сына — справлял тысячную годовщину основания Рима. (4) То, что, согласно преданию, произошло после смерти Гая Цезаря, случилось, как пишет Корд, и после смерти Гордиана: все те, кто напал на него с мечами (а их, как говорят, было девять

человек), впоследствии, после убийства Филиппов, собственноручно умертвили себя своими мечами — притом теми же, которыми они пронзили Гордиана.

XXXIV. (1) Такова была жизнь троих Гордианов, которые все были провозглашены Августами. (Двое из них погибли в Африке, третий — в пределах Персии.) (2) У Цирцеийского укрепления в Персии воины устроили Гордиану могилу с такой надписью на греческом, латинском, персидском, еврейском и египетском языках, чтобы все могли прочитать ее: (3) «Божественному Гордиану, победителю персов, победителю готов, победителю сарматов, отравившему римские междоусобия, победителю германцев, но не победителю Филиппов». (4) Эти последние слова были добавлены, по-видимому, потому, что Гордиан на Филипповых полях отступил побежденный в беспорядочном бою аланами, и вместе с тем потому, что его, очевидно, убили Филиппы. (5) Лициний, который хотел, чтобы его считали потомком Филиппов, достигнув императорской власти, уничтожил, как говорят, эту надпись. (6) Я рассказал все это, великий Константин, для того, чтобы ты располагал полнотой сведений относительно всего того, что достойно быть предметом знания.

XXI. Юлий Капитолин

МАКСИМ И БАЛЬБИН

I. (1) После гибели в Африке Гордиана старшего и его сына, когда взбешенный Максимин шел на Рим, чтобы произвести расправу за то, что Гордианы были провозглашены Августами, сенат, преисполненный страха, собрался за семь дней до июньских ид, в день игр в честь Аполлона, в храме Согласия, ища способа противодействовать ярости этого подлейшего человека. (2) Два консуляра, выдающиеся мужи Максим и Бальбин (большинство историков умалчивает о Максиме и вместо него вводит имя Пуппиена, хотя и Дексипп и Арриан¹¹ говорят, что после Гордианов были избраны и противопоставлены Максиму Максим и Бальбин), из которых один славился своей добротой, а другой — доблестью и строгостью, вошли в курию, причем на их лицах отражался особенный страх по поводу приближения Максимиана. В то время как консул докладывал о разных других делах, тот, кому предстояло высказать первым свое мнение, начал так: (3) «Вы занимаетесь мелочами, и в самое горячее время мы рассуждаем в курии чуть ли не о бабьих делах. (4) Какая нужда говорить о восстановлении храмов, об украшении базилики, о Тициановых термах, о постройке амфитеатра, когда нам грозит Максимин, которого вы перед этим вместе со мной объявили врагом, когда погибли два Гордиана, которые были нашей опорой, и в настоящее время нет никакой защиты, благодаря которой мы могли бы спокойно дышать. Ну же, отцы сенаторы, назначьте новых государей! Что вы медлите? Берегитесь: пока каждый из вас порознь охвачен страхом, вы будете раздавлены, выказывая скорее трусость, нежели доблесть».

II. (1) После этого, при общем молчании, Максим, который был и старше летами и прославлен своими заслугами, доблестью и строгостью, стал высказывать свое мнение, настаивая на том, что следует избрать двух императоров. Тогда Векций Сабин из рода Ульпиев, испросив у консула разрешение выступить и прервать говорившего, начал так: (2) «Я знаю, отцы сенаторы, что при необычном положении должна появиться такая твердость духа, чтобы решения схватывались на лету, а не отыскивались, больше того — следует воздерживаться от бесконечных речей и высказываний там, где дело не допускает промедления. (3) Пусть каждый из вас позаботится о собственной голове, подумает о своей жене и детях, об отцовских и дедовских состояниях: всему этому грозит Максимин, человек по природе неистовый, дикий, лютый, ставший еще более диким по этой, как ему кажется — вполне законной причине. (4) Он, располагая во всех местах лагерем, устремляется в боевом порядке к Риму, а вы проводите дни в заседаниях и совещаниях. (5) Не нужно длинных речей: надо избрать императо-

¹¹ Брокс читает: Herodianus.

ра, нет — надо избрать государей, чтобы один ведал внутренними делами, другой — военными, чтобы один оставался в Риме, другой шел с войском навстречу разбойникам. (6) Я назову государей, вы утвердите их, если вам угодно; если же нет — покажите лучших: (7) Максим и Бальбин, из которых один так велик в военном деле, что блеском своей доблести он возвеличил свой незнатный род, а другой столь славен своим высоким происхождением, что является необходимым для государства ввиду мягкости своего нрава и безупречности своей жизни, которая с детских его лет вся прошла в занятиях науками и литературой. (8) Вот вам, отцы сенаторы, мое мнение, может быть, более опасное для меня, чем для вас, но и для вас не совсем безопасное, если вы не выберете государями либо других лиц, либо этих». (9) После этого раздались единодушные возгласы: «Верно! Справедливо! Мы все согласны с мнением Сабина!» (10) Максим и Бальбин Августы, да хранят вас боги! Боги сделали вас государями, боги да сохраняют вас! Обезопасьте сенат от разбойников, вам мы поручаем войну против разбойников! (11) Да погибнет общественный враг Максимин с сыном, преследуйте общественного врага! Вы счастливы, благодаря суждению сената, государство счастливо благодаря вашей власти! (12) Что возложил на вас сенат, выполняйте решительно! Что возложил на вас сенат — охотно примите!».

III. (1) При таких и иных возгласах Максим и Бальбин стали императорами. (2) Выйдя из сената, они сначала поднялись на Капитолий и совершили жертвоприношение. (3) Затем они созвали народ к роstrам. После их выступления с речью по поводу решения сената и их избрания римский народ вместе с воинами, которые случайно собрались сюда, закричал: «Мы все просим Гордиана в Цезари!». (4) Этот последний был внуком Гордиана — от сына¹², который был убит в Африке. Многие говорят, что ему шел четырнадцатый год. (5) Его тотчас подхватили и, согласно постановлению сената, какого до тех пор не бывало (так как в тот же день уже ранее было вынесено постановление сената), ввели в курию и провозгласили Цезарем.

IV. (1) Первым предложением государей было — провозгласить двоих Гордианов божественными. (2) Некоторые, однако, считают, что провозглашен был один, именно старший, но я помню, что в книгах, которые с достаточными подробностями написал Юний Корд, я читал о причислении их обоих к богам; (3) ведь если старший окончил жизнь, удавившись в петле, то младший погиб на войне, так что он, во всяком случае, заслуживает большего уважения, так как его унесла война. (4) После этих предложений должность префекта Рима была возложена на Сабина, человека серьезного, чьи нравы соответствовали нравам Максима, а должность префекта претория — на Пинария Валента. (5) Но мне хочется — прежде чем говорить об их деяниях — кратко сказать об их нравах и происхождении, но сказать не так, как это со всеми подробностями изложил Юний Корд, а так, как это делали Светоний Транквилл и Валерий Марцеллин; с другой стороны, Курий Фортунатиан, написавший историю всего этого времени, коснулся лишь немногих вопросов, зато Корд — столь многих, что зачастую описывал множество ничтожных и неблагопристойных вещей.

V. (1) Отцом Максима был Максим, простолюдин, по словам некоторых — кузнец, по словам других — тележный мастер. (2) Максим родился у него от его жены, по имени — Прима. У Максима было четверо братьев — мальчиков и четыре сестры — девочки; все они погибли в период возмужания. (3) Когда родился Максим, орел, говорят, бросил большой кусок говядины в их каморку, имевшую в потолке узкое отверстие; так как этот кусок мяса лежал и никто из религиозного страха не решался прикоснуться к нему, орел опять поднял его и отнес в ближайшую часовню, которая была посвящена Юпитеру Хранителю. (4) В то время в этом не усмотрели знамения, но доказательством тому, что это случилось не без основания, служило провозглашение его императором. (5) Все свое детство он провел в доме своего дяди Пинария, которого он, став императором, немедленно повысил, назначив его префектом претория. (6) У грамматика и риторика он занимался недолго, зато всегда вырабатывал в себе воинскую доблесть и суровость. (7) Он был военным трибуном, командовал многими воинскими

¹² Петер читает: *filia* (по дочери), уничтожая последующую фразу.

подразделениями, а потом исполнял должность претора, пользуясь средствами Песценнии Марцеллины, которая приняла его к себе и воспитала как сына. (8) Затем он был проконсулом Вифинии, вслед затем — Греции, а в третий раз — Нарбоны. (9) Кроме того, посланный в качестве легата, он разбил в Иллирике сарматов, а переведенный оттуда на Рейн довольно счастливо вел дело против германцев. (10) После этого он заслужил одобрение, как самый благоразумный, способный и строгий префект Рима. (11) На основании всего этого сенат, несмотря на то, что это было непозволительно, вручил ему, человеку незнатного рода, императорскую власть как нечто заслуженное¹³, причем все признавали, что в то время в сенате не было человека более подходящего, кому подобало бы принять звание государя.

VI. (1) Ввиду того, что многие желают знать даже мелкие подробности, я скажу, что он был жаден до еды, очень умерен в употреблении вина, чрезвычайно редко прибегал к утехам Венеры, в своей домашней и общественной жизни всегда отличался суровостью, так что даже заслужил прозвание угрюмого. (2) Выражение его лица было серьезное и брюзгливое; ростом он был высок, телом — очень здоров, нрав имел надменный, но был справедлив и никогда не бывал до конца жестоким и немилостивым. (3) Когда его просили, он всегда прощал и гневался только в тех случаях, когда действительно следовало гневаться. (4) Он никогда не участвовал в интригах, был тверд в своих суждениях и не верил больше другим, чем самому себе. (5) Поэтому и сенат очень любил его, и народ боялся его — тем более, что народ знал, какую требовательность проявлял он в бытность свою префектом, и понимал, что, став императором, он может быть еще строже.

VII. (1) Бальбин был очень знатного рода, дважды был консулом, был правителем бесконечного числа провинций. (2) В качестве гражданского администратора он управлял Азией, Африкой, Вифинией, Галатией, Понтом, Фракиями и Галлиями, иногда командовал войском, но в делах военных отличался менее, чем в гражданских; однако своей добротой, полной безупречностью и порядочностью он снискал себе огромную любовь. (3) По его словам, он принадлежал к очень древней фамилии и вел свое происхождение от Бальба Корнелия Теофана, который получил право гражданства благодаря Гнею Помпею, так как у себя на родине он принадлежал к высшей знати и был историком. (4) Роста он был также высокого, собою был видным, отличался чрезмерной склонностью к наслаждениям. Ему помогало его огромное богатство: он и благодаря своим предкам был богат, и сам многое собрал путем наследования. (5) Он славился своим красноречием и выделялся благодаря своему дарованию среди поэтов своего времени. (6) Он был жаден до вина, еды и утех Венеры, одевался изящно; у него не было недостатка в качествах, делавших его желанным в глазах народа. Был он любезен и сенату. (7) Вот что мы узнали о жизни того и другого. Наконец, некоторые считали, что их следует сопоставить друг с другом так, как Саллустий сопоставляет Катона и Цезаря: один из них был строг, другой — милостив; один — добр, другой — непреклонен; один ни в чем не проявлял щедрости, другой в изобилии владел всякими средствами.

VIII. (1) Вот все, что касается их нравов и происхождения. — Итак, после того как им были назначены все императорские почести и знаки отличия, после того как они получили трибунские полномочия, проконсульские права, достоинство великого понтифика, а также прозвание отца отечества, они вступили во власть. (2) В то время как они совершали жертвоприношение на Капитолии, римский народ высказался против вручения императорской власти Максиму. Простые люди боялись его строгости, которую они считали в высшей степени приятной сенату и в высшей степени враждебной себе. (3) Вследствие этого они, как мы сказали, потребовали провозглашения государем юного Гордиана, который немедленно и стал государем. Народ позволил им пройти на Палатин в сопровождении вооруженной свиты не раньше, чем они нарекли внука Гордиана именем Цезаря. (4) После всего этого были совершены священнодействия, даны народу театральные представления и цирковые игры и устроены гла-

¹³ meritum — конъектура Холя.

диаторские бои, и Максим — после произнесенных на Капитолии обетов — был отправлен на войну против Максимиана с огромным войском; преторианцы, однако, остались в Риме. (5) Следует вкратце сказать о том, откуда повелся обычай, чтобы отправляющиеся на войну императоры устраивали гладиаторские бои и охоты. (6) Многие говорят, что древние приносили такую жертву против врагов для того, чтобы кровью граждан, пролитой в своего рода битвах, насытилась Немезида, то есть некая сила Судьбы. (7) Другие же в своих сочинениях передают — и я считаю это более правдоподобным, — что готовившиеся идти на войну римляне должны были видеть битвы, раны, оружие и обнаженных людей, нападающих друг на друга, — чтобы на войне не бояться вооруженных врагов и не приходить в ужас от ран и крови.

IX. (1) После отправления Максима на войну в Риме оставались преторианцы. (2) Между ними и народом возникли такие раздоры, что дело дошло до внутренней войны, большая часть города Рима была сожжена, храмы осквернены, все улицы залиты кровью, так как Бальбин, человек очень мягкий, не мог прекратить раздоров. (3) Он вышел к народу, протягивал руку каждому в отдельности, и его чуть было не ударили камнем, а некоторые говорят даже, что его ударили палкой. (4) Ему не удалось бы прекратить беспорядки, если бы он не вывел к народу одетого в пурпур малолетнего Гордиана, посадив его на шею очень высокого человека. Увидав его, народ и воины до такой степени умилились, что из любви к нему помирились между собой. (5) Никогда никто в таком возрасте не был так любим, как он — за заслуги деда и дяди, которые положили свою жизнь в Африке за римский народ, борясь против Максимиана. Так сильно у римлян воспоминание о добрых делах.

X. (1) Итак, после отправления Максима на войну, сенат разослал по всем областям консуларов, бывших преторов, бывших квесторов, бывших эдиров, а также бывших трибунов — с целью побудить каждую городскую общину заготавливать хлеб, оружие, средства защиты и позаботиться о стенах, для того чтобы Максимиан истощал свои силы под каждым отдельным городом. (2) Было тогда же приказано все добро с полей собирать в города, чтобы общественный враг не мог ничего найти. (3) Кроме того, во все провинции были посланы тайные агенты и был дан письменный приказ считать врагом всякого, кто будет помогать Максимиану. (4) Между тем в Риме вторично возникли раздоры между народом и воинами. (5) Бальбин издал тысячу декретов, никто не слушал его; ветераны удалились в преторианский лагерь, вместе с самими преторианцами, а народ начал осаждать их. (6) Они никогда не согласились бы на примирение, если бы народ не перерезал водопроводных труб. (7) Однако в городе, прежде чем было сообщено, что туда идут умиротворенные воины, были сорваны с крыш черепицы, и весь бывший в домах скарб выброшен наружу. (8) Таким образом погибла большая часть города и богатства многих людей. Дело в том, что к воинам присоединились с целью грабежа разбойники, знавшие где что можно найти.

XI. (1) В то время как все это происходило в Риме, Максим, или Пуппиен в Равенне готовился — с огромным снаряжением — к войне, испытывая сильнейший страх перед Максимианом, по поводу которого он очень часто говорил, что ведет войну не с человеком, а с циклопом. (2) Но под Аквилеей Максимиан потерпел сильную неудачу и был убит своими же; головы его и его сына были принесены в Равенну, а оттуда отосланы Максимом в Рим. (3) В этом месте не следует умолчать о преданности аквилейцев римлянам: говорят, они даже использовали волосы женщин в качестве тетив для пуска стрел. (4) Как только была принесена голова Максимиана, Бальбин, который испытывал еще больший страх, обрадовался настолько, что немедленно заклад гекатомбу. (5) Гекатомбой называется такое жертвоприношение: устраивают в одном месте сто дерновых алтарей, и перед ними происходит заклинание ста свиней и ста овец. (6) Если это жертвоприношение совершает император, то убивают сто львов, сто орлов и других подобного рода животных по сто штук. (7) Говорят, что это делали и греки, когда они страдали от моровой язвы; известно, что такое жертвоприношение совершали многие императоры.

XII. (1) Закончив все это, Бальбин с величайшей радостью стал ждать Максима, возвращавшегося из Равеннской области с невидимым войском и силами — (2) ввиду

того, что Максимин был побежден жителями Аквилеи и небольшим количеством бывших там воинов под начальством посланных сенатом консуляров Криспина и Менофила. (3) Сам Максим подошел к Аквилее для того, чтобы оставить в безопасности и неприкосновенности все эти места вплоть до Альп и обезвредить всякие остатки варварских отрядов, которые стояли на стороне Максимина. (4) Наконец, к Максиму было отправлено в качестве послов двадцать сенаторов — их имена названы у Корда (в их числе было четверо консуляров, восемь бывших преторов и восемь бывших квесторов) — с венками и постановлением сената, в котором ему назначались конные золотые статуи. (5) Этим постановлением был несколько недоволен Бальбин, который говорил, что Максим потрудился меньше, чем он: ведь сам он прекратил дома столь крупные распри, а Максим сидел в бездействии в Равенне. (6) Но такова сила желания, что Максиму уже за одно то, что он отправился против Максимина, была приписана и самая победа, хотя в то время, как она была одержана, он ничего еще не знал о ней. (7) Итак, взяв с собой войско Максимина, Максим прибыл в Рим с необыкновенной пышностью и огромным количеством людей, причем воины печалились о том, что они потеряли того императора, которого сами выбрали, а имеют тех, которых избрал сенат. (8) И этой печали нельзя было скрыть: она ясно была написана на лицах отдельных людей; да и в речах их уже не было сдержанности, хотя Максим часто говорил перед воинами, что следует забыть все прошлое, роздал большое жалование и отослал вспомогательные войска в те места, какие они сами выбрали. (9) Но нет возможности держать в узде воинов, если их души полны ненависти. Услыхав возмущившие их возгласы сената, воины еще больше озлобились против Максима и Бальбина и стали ежедневно обдумывать между собой, кого бы им объявить императором.

XIII. (1) Вот какой вид имело постановление сената, вызвавшее негодование воинов. Когда — при вступлении Максима в Рим — навстречу ему вышли Бальбин, Гордиан, римский сенат и народ, сначала раздавались общие возгласы, которые не затрагивали воинов. (2) Затем пошли в сенат, где после всего того, что обычно бывает во время празднеств, — было сказано: «Так действуют разумно избранные государи, а государи, избранные неразумными, так погибают»; — а ведь было известно, что Максимина сделали императором воины, Бальбина же и Максима — сенаторы. (3) Услыхав об этом, воины стали негодовать еще сильнее, преимущественно против сената, который, казалось, справил свой триумф над воинами. (4) Бальбин с Максимом на радость римскому сенату и народу очень разумно управляли городом: сенату оказывалось очень большое уважение; они издавали превосходные законы, терпеливо выслушивали тяжбы, внесли отменный порядок во все то, что относится к военному делу. (5) Все уже было готово для того, чтобы Максим отправился против парфян, Бальбин — против германцев, а юный Гордиан оставался в Риме; воины же, искавшие удобного случая убить государей, не находя его на первых порах, так как германцы сопровождали Максима и Бальбина, — все больше приходили в ярость.

XIV. (1) Были несогласия между Максимом и Бальбином, но скрытые, о которых можно было скорее догадываться, чем видеть их. Дело в том, что Бальбин презирал Максима как человека незнатного, а Максим третировал Бальбина как человека слабого. (2) Благодаря этому воинам представился удобный случай: они понимали, что можно легко убить несогласных между собой императоров. Наконец, во время театральных представлений, когда много воинов и придворных было занято, и в Палатинском дворце остались одни государи с германцами, воины произвели на них нападение. (3) В то время как воины производили такое смятение и Максиму дано было знать, что от их буйной толпы едва ли можно спастись, если не вызвать германцев, а германцы случайно были с Бальбином в другой части Палатинского дворца, Максим посылает к Бальбину людей с просьбой прислать ему охрану. (4) Тот, однако, подозревая, что Максим просит их с целью направить их против него, Бальбина, так как он думал, что Максим стремится к единовластию, сначала заставил его ждать, затем дело дошло до столкновения между ними. (5) Пока они — во время этого мятежа — препирались друг с другом, появились воины, сорвали с них царские одежды, вывели их с оскорблениями из Палатинского дворца и хотели потащить их, почти совсем растерзанных,

по городу в лагерь. (6) Узнав о том, что подходят германцы с целью защитить императоров, воины убили их обоих и бросили на полпути. (7) Между тем Цезарь Гордиан, поднятый на руки воинами, был провозглашен ими императором, то есть Августом, так как никого другого в данное время у них не было; при этом воины издевались над сенатом и народом и немедленно удалились в свой лагерь. (8) Германцы же, чтобы не сражаться без всякого повода, так как их императоры были убиты, ушли за город, где находились их товарищи.

XV. (1) Таков был конец хороших императоров, недостойный как их жизни, так и нравов: ведь не было никого более храброго, чем Максим, или Пуппиен, ни более ласкового, чем Бальбин, что можно было понять из хода самого дела: ведь сенат, имея возможность выбирать, не выбрал бы плохих. (2) К этому присоединяется еще и то, что они прошли испытание, занимая много должностей, соединенных с почетом и властью: один из них был два раза консулом и префектом Рима, другой — два раза консулом и префектом, императорами они стали, имея много лет от роду, были любезны сенату, а также народу, которые, однако, слегка уже побаивались Максима. (3) Такие сведения мы собрали относительно Максима, главным образом — из произведений греческого писателя Геродиана. (4) Многие, однако, говорят, что у Аквилей Максимин был побежден не Максимом, а императором Пуппиеном, и что последний был убит вместе с Бальбином, так что они опускают имя Максима. (5) И таково невежество или недобросовестность этих спорящих между собой историков, что многим хочется, чтобы Максимом назывался тот же, который назывался и Пуппиеном, хотя Геродиан, описавший современные ему события, называет его Максимом, а не Пуппиеном, да и греческий писатель Дексипп говорит, что после двоих Гордианов императорами были избраны и противопоставлены Максиминому Максим и Бальбин, и что Максимин был побежден Максимом, а не Пуппиеном. (6) К тому же писатели проявляют невежество, говоря о том, что мальчик Гордиан был префектом претория: многие не знают, что Гордиана часто носили на шее, чтобы показать воинам. (7) Максим и Бальбин были императорами один год, тогда как Максимин с сыном были императорами, по словам некоторых, три года, а по словам других — два года.

XVI. (1) Еще и теперь показывают в Риме дом Бальбина на Каринах, огромный и внушительный, который и до сих пор является собственностью его семьи. (2) Максим, которого большинство считает Пуппиеном, был человеком совсем неимущим, но в высшей степени доблестным. (3) При них карпы сражались против мезийцев, началась война со скифами, произошел в это время и разгром Истрии, или, как говорит Дексипп, Истрийской общины. (4) Дексипп очень хвалит Бальбина и говорит, что он смело вышел навстречу воинам и был убит, доказав, что он не боялся смерти; он говорит о нем, что он был обучен всяким наукам. О Максиме же он говорит, что это был совсем не такой человек, каким его описало большинство греческих писателей. (5) Кроме того, он добавляет, что ненависть аквилейцев к Максиминому была столь велика, что они сделали тетивы для своих луков из волос своих женщин и так пускали стрелы. (6) Дексипп и Геродиан, которые изложили эту историю государей, говорят, что Максим и Бальбин были государями, избранными сенатом и противопоставленными Максиминому после гибели в Африке двоих Гордианов, и что вместе с ними был выбран мальчик Гордиан. (7) Но у большинства римских писателей я не нахожу имени Максима, а вместе с Бальбином встречаю императора Пуппиена; говорят даже, будто этот же Пуппиен сражался с Максимином у Аквилей, причем упомянутые историки утверждают, что Максим и не сражался с Максимином, а сидел в Равенне и там услышал об одержанной победе; как мне кажется, Пуппиен — тот же, кого называют Максимом.

XVII. (1) Ради этого я присоединил сюда еще благодарственное письмо, написанное консулом того времени о Пуппиене и Бальбине, в котором он выражает радость по поводу того, что они — после бесчестных разбойников — восстановили государственный строй: (2) «Пуппиену и Бальбину Августам Клавдий Юлиан. Как только я узнал, что по решению Юпитера всеблагого и величайшего, бессмертных богов и сената и с согласия всего рода человеческого, вы приняли власть над государством для спасения его от преступления безбожного разбойника и для управления им согласно рим-

ским законам, безупречнейшие владыки и непобедимые Августы, то, хотя я узнал об этом не из божественных писем, а из сенатского постановления, которое переслал мне мой сотоварищ светлейший Цельз Элиан, я поздравил город Рим, на благо которого вы избраны, поздравил сенат, бывшее достоинство которого вы восстановили в награду за высказанное им относительно вас суждение, поздравил Италию, которую вы мощно защитили от опустошения врагами, поздравил провинции, которые были растерзаны ненасытной жадностью тиранов и которым вы вернули надежду на спасение, поздравил, наконец, самые легионы и вспомогательные войска, которые повсеместно на земле почитают ваши образы за то, что они избавились от прежнего позора и теперь в вашем лице обрели достойный облик римских государей. (3) Ввиду этого никогда не было голоса столь могучего, речи столь удачной, дарования столь плодотворного, чтобы быть в состоянии выразить достойным образом общее счастье. (4) Сколь велико оно и каково оно — мы могли понять по первым шагам вашего правления: ведь вы вернули нам римские законы, упраздненную справедливость и милосердие, которое было совершенно уничтожено, жизнь, нравы, свободу и надежду на преемственность и наследников. (5) Все это и перечислить трудно, не говоря уже о том, чтобы изложить шаг за шагом в выражениях соответствующего достоинства. (6) Ведь то, что вы возвратили нам жизнь, на которую посягал этот преступный разбойник, распустив по всем провинциям своих палачей, открыто заявляя о своем гневе против блистательного сословия, — как могу я это выразить или подробно изложить? (7) Тем более, что — ввиду своей посредственности — я не могу не только выразить чувство общего счастья, но даже и собственную радость моей души, когда я вижу перед собой тех Августов и государей рода человеческого, от которых, как от моих старинных цензоров, я до сих пор желал получить выражаемое постоянным уважением одобрение моим нравам и скромности; хотя то и другое, надеюсь, удостоверено в свидетельствах прежних государей, однако вашими суждениями я гордился бы как имеющими большее значение. (8) Боги пусть доставят и в будущем будут доставлять такое счастье римскому миру. Ведь глядя на вас, я могу желать только того, о чем молил богов победитель Карфагена, именно — чтобы они сохранили государство в том состоянии, в каком оно было тогда, так как другого, лучшего, нельзя было найти. (9) Так и я молю, чтобы они сохранили вам государство в том состоянии, в какое вы привели его, когда положение его было еще шатким».

XVIII. (1) Это письмо доказывает, что Пуппиен и есть тот, кого большинство называет Максимом. (2) В рассказах об этих временах у греков не легко найти имя Пуппиена, а у римлян — имя Максима, и то, что было совершенно против Максимиана, считается то делом Пуппиена, то делом Максима.

